

© А. А. Борисов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ С. А. ТОКАРЕВА НА СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ЯКУТОВ XVII В. И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В статье речь идёт о выдающемся вкладе С. А. Токарева (1899–1985) в изучение социальной организации якутов XVII в. с точки зрения современных теоретико-методологических подходов. Исследователь работал в жёстких рамках формационного подхода, общепринятого в советской историографии тех лет, но ему удавалось в некоторых случаях преодолеть их в своем стремлении быть объективным. В этом С. А. Токареву помогало глубокое знание не только этнографических материалов, но и прежде всего, русских письменных источников XVII в. Он задействовал огромные пласты скорописных столбцов из фондов Сибирского приказа и Якутской воеводской избы, хранящихся в центральных архивах, в органичном сопоставлении их с другими источниками. Разработанная С. А. Токаревым оригинальная концепция социальной организации якутов XVII в. в 1930-х гг. и доработанная впоследствии в крупных трудах и монографиях учёного в 1940–1950-х гг., внесла выдающийся вклад в отечественную историографию, дополнив её новыми данными и предложив цельный взгляд на исторические и этнографические реалии якутского позднесредневекового общества. Многочисленная критика токаревской концепции объясняется его стремлением остаться на достоверной исторической почве, основанной на конкретных документальных источниках XVII в. Исследования С. А. Токарева отражают непрерывный поиск наиболее адекватных научных определений выявленных им категорий социальной организации якутов. Для этого учёный задействовал весь арсенал теоретических подходов и исследовательских методов, а также свой опыт, базирующийся на лучших традициях российской исторической и этнографической науки. Современные достижения якутоведения в рассматриваемой области свидетельствуют о сохраняющейся научной значимости и актуальности основных выводов и наблюдений С. А. Токарева.

Ключевые слова: С. А. Токарев, социальная организация якутов XVII в., историография, источники, якутоведение

Ссылка при цитировании: Борисов А. А. Концептуальные взгляды С. А. Токарева на социальную организацию якутов XVII в. и современная историография // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 64–78.

Борисов Андриан Афанасьевич — д. и. н., главный научный сотрудник отдела истории, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 677007 Москва, ул. Петровского, 1).
Эл. почта: a_a_borisov@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8285-6421>

* Статья подготовлена по проекту НИР в рамках государственного задания №1023032900024-0-6.1.1 «Региональное управление Якутии в коммуникативном пространстве Российского государства: социальный аспект (XVII — начало XX в.)».

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/64-78

Original Article

© *Andrian Borisov*

SERGEY A. TOKAREV'S CONCEPTUAL IDEAS ON THE SOCIAL ORGANIZATION OF THE YAKUTS IN THE 17TH CENTURY AND THE MODERN HISTORIOGRAPHY

The article discusses the outstanding contribution of S. A. Tokarev (1899–1985) to the study of the Yakuts' social organization in the 17th century employing a modern theoretical and methodological approach. Although the researcher generally worked within the strict framework of the formational approach commonly accepted in Soviet historiography, sometimes he managed to go beyond it in an effort to be objective. This was possible due to his deep knowledge of not only ethnographic materials, but also of Russian written sources of the 17th century. He studied huge arrays of cursive columns from the funds of the Siberian Prikaz and the Yakut Voivode's Hut, stored in the central archives, and used them in a comparative analysis with other sources. The original concept of the social organization of the Yakuts in the 17th century that he developed in the 1930s and subsequently revised in his major works in the 1940–1950s, made an outstanding contribution to Russian historiography, supplemented it with new data and offered a holistic view of the historical and ethnographic realities of the Yakut late medieval society. However, S. A. Tokarev's intention to remain on reliable historical ground, based on specific documentary sources of the 17th century, provoked substantial criticism. His research was cast in a continuous search for the closest scientific definitions to the categories of social organization of the Yakuts, which he identified. He used the entire toolkit of theoretical approaches and research methods and his experience, based on the best traditions of Russian historical and ethnographic science. Modern achievements of Yakut studies of historical knowledge confirm the scientific significance and relevance of the main conclusions and observations of S. A. Tokarev.

Keywords: *S. A. Tokarev, social organization of the Yakuts in the 17th century, historiography, sources, Yakut studies*

Author Info: **Borisov, Andrian A.** — Dr. in History, Chief Researcher in the Center for Intellectual History and Culture, the Institute of the Humanities Research and the Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch — Federal Research Centre «The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences» (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: a_a_borisov@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8285-6421>

For citation: Borisov, A. A. 2024. Sergey A. Tokarev's Conceptual Ideas on the Social Organization of the Yakuts in the 17th Century and the Modern Historiography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 64–78.

Funding: The research was carried out as the project under the state assignment No. 1023032900024-0-6.1.1 “Regional Governance of Yakutia in the Communicative Space of the Russian State: Social Aspect (17th — early 20th centuries)”.

Крупный отечественный историк и этнограф, профессор С. А. Токарев (1899–1985) относится к тому поколению якутоведов, на долю которых пришлось самые первые обобщения по истории и этнографии изучаемого народа, датируемые XVII в. С этого времени началась письменная история якутов и С. А. Токарев одним из первых поднял целые пласты русских скорописных источников XVII в. для изучения сформулированной им проблемы. В 1920–1930-х гг., когда начинался творческий путь учёного, в отечественной историографии утвердились концептуальные положения советской исторической и этнографической науки об общественно-экономических формациях и об этносе (*Кушнер* 1924: 55–89; *Широкогоров* 1923: 13). Он работал в данных теоретико-методологических рамках, в том числе и с якутским материалом.

С. А. Токареву удалось помимо этнографических сведений, накопленных к тому времени со времен Г. Ф. Миллера (1705–1783) и В. Л. Серошевского (1858–1945), впервые задействовать огромный массив русских скорописных документов XVII в. из фондов Сибирского приказа и Якутской воеводской (приказной) избы, хранящихся в архивах Ленинграда и Москвы. В результате он разработал свои оригинальные концептуальные взгляды на социальную организацию якутов, не потерявшие фундаментальное значение и в наши дни.

Вместе с тем в историографии устоялись некоторые стереотипы в отношении научных воззрений С. А. Токарева на традиционное общество якутов, подвергавшиеся критике при жизни учёного. Она относится к выделенному им рабовладельческому укладу в системе социальных отношений якутов и авторской трактовке преимущественно «автохтонного» социогенеза якутского общества (*Башарин* 1950; *Башарин* 2003). По истечении времени многое изменилось. В якутской историографии в дальнейшем быстро утвердилась формационная теория, установившая развитие якутского общества на переходной стадии патриархально-феодального строя (*Башарин* 1950; *Иванов* 1966). Г. П. Башарин (1912–1992) подверг критике концепцию С. А. Токарева. Большинство историков тех лет придерживались «южного» происхождения основных социальных и политических институтов якутов, перенесённых на Среднюю Лену.

В постсоветское время попытки отказаться от советского наследия сопровождались поиском альтернатив. Якутских исследователей более привлекла теория вождества (*Парфенова* 2023; *Уиницкий* 2018). Следует отметить, что их построения нуждаются в подкреплении письменными источниками XVII в. и, потому, выполненные С. А. Токаревым на изученном им материале фундаментальные построения до сих пор выглядят непревзойдёнными. Труды учёного выдержали испытание временем. При этом высказанные им идеи находились в центре дискуссий. Очевидно, что со сменой теоретико-методологических установок в отечественной науке в постсоветское время потребовалось современное осмысление сложившейся историографии. Это касается и терминологии, ведь учёные советского времени использовали иные специальные понятия и определения, некоторые из которых ныне выглядят устаревшими. В этом состоит цель данной статьи.

Можно назвать имена более двадцати крупных учёных, работавших на протяжении XX столетия, которые высказали свои суждения об общественном строе якутов, и имя С. А. Токарева среди них занимает видное место. Их можно разделить на четыре группы. Исследователи, отнесенные нами к первой группе, (Г. А. Попов, Г. В. Ксенофонтов, П. А. Ойунский) были убеждены, что у якутов сложился развитый феодальный строй. С ними С. А. Токарев совместно с С. В. Бахрушиным

(1882–1950) находился в достаточно острой полемике, особенно, с Г. В. Ксенофоновым (1888–1938) (Архив ИЭА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 84; Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40; *Ксенофонов* 1935; *Бахрушин* 1955б; *Митрофанов* 2017). Выступая против идеализации древних якутских феодальных порядков, тем более, против утверждений о существовании у якутов наследственной монархии, генетически связанной с древнетюркскими традициями, С. А. Токарев придавал большое значение «автохтонным» социальным и политическим процессам, происходившим на Средней Лене. Дискуссия между двумя выдающимися исследователями заслуживает отдельного рассмотрения как образец бескомпромиссной полемики в академических традициях отечественной исторической науки.

Вторая группа (С. В. Бахрушин, О. В. Ионова, Б. А. Гарданов, Г. П. Башарин, Ф. Г. Сафронов, В. Н. Иванов и др.) придерживалась того мнения, что в якутском обществе существовали патриархально-феодальные отношения с преобладанием последних. Основоположник данного направления С. В. Бахрушин полагал, что в XVII в. происходило разложение родового строя и зарождение феодальных отношений, а с XVIII в. началось господство феодальной формации с сохранением некоторых патриархальных традиций (*Бахрушин* 1955б). Но его главный оппонент сибирский историк В. И. Шунков (1900–1967) выступал за осторожное отношение к данным, показывающим социальные отношения у народов Сибири. Он был против того, чтобы считать социальный строй даже у самых продвинутых народов феодальным или феодально-патриархальным, за исключением Сибирского ханства (*Шунков* 1974). Действительно, в остяцких и вогульских княжествах XVI–XVII вв., как считал С. В. Бахрушин, сложилась феодальная знать, но ведь якутские *тойоны* (представители знати) не обладали подобно им правом получать ренту, они не служили за свои земельные владения (*Бахрушин* 1955а). Напротив, Б. Г. Гарданов (1908–1989) обрушился с критикой основных положений С. А. Токарева (*Гарданов* 1946), о которых мы напишем чуть позже.

Г. П. Башарин, автор одной из основополагающих теорий, самый видный представитель второй группы о сильном развитии патриархально-феодальных отношений у якутов, впервые подробно изучил аграрные отношения якутов в XVII — середине XIX в. (*Башарин* 1950; *Башарин* 2003: 80–89). На конкретных примерах он рассмотрел развитие крупных скотовладельческих хозяйств и пришел к выводу, что *тойоны* стали выделяться как эксплуататорский класс, сосредоточивший в своих руках огромные материальные ресурсы (скот, сенокосные угодья), позднее ставшим ставший монопольным собственником земли. Полемизируя с С. А. Токаревым, он критиковал его за то, что ученый сужал значение термина «родники», полагая также, что *тойоны* не выражали интересов населения той или иной волости (*Башарин* 2003: 132–133).

По мнению В. Н. Иванова (1935–2021), в XVII в. якуты находились на ранней стадии феодализма, а влияние общероссийского исторического процесса ускорило феодализацию (*Иванов* 1966). При этом основное внимание уделялось эксплуатации *тойонами* так называемых «непосредственных производителей». Все же, феодализм — явление специфично европейское. Это сложный комплекс разного рода элементов и отношений, главными из которых являются сеньория, господское владение, основанное на эксплуатации зависимых крестьян и вассально-ленные связи. Соединение их порождает феодализм (*Барг* 1973). В работах исследователей второй группы нет анализа вассально-ленных отношений. Кроме того, под термином *тойон*, в котором они видят нарождающийся класс феодалов, объединяется довольно

широкий круг лиц. Не всегда чётко виден реальный социальный статус эксплуататоров в случаях, где описывается якутская сеньория.

Третья группа (А. П. Окладников, Б. О. Долгих, И. С. Гурвич, Г. У. Эргис, В. Ф. Иванов и др.) настаивала на концепции патриархально-родовых или патриархально-феодальных отношений с преобладанием первых. Самый видный представитель данной группы, ведущий отечественный этнограф И. С. Гурвич (1919–1992), полагал, что земельный вопрос у якутов не был основным (Гурвич 1955). Якутский историк В. Ф. Иванов (1936–1996) также в целом разделял точку зрения о патриархально-феодальном характере социально-экономических отношений якутов в XVII–XIX вв., но считал, что родовые порядки ещё сохраняли значимое место в жизни общества (Иванов 1992). Другими словами, учёный указывал на степень феодализации, по его мнению, не достигшую необходимого предела. Важным достижением третьей группы стал тезис о подвижности социальных границ в якутском обществе.

Четвёртая группа, вернее, точка зрения, представлена одним исследователем С. А. Токаревым. Социальной организации якутов XVII в. посвящены три его крупных труда: «Очерк истории якутского народа» увидел свет в 1940 г. (Токарев 1941: 19–32), монография «Общественный строй якутов XVII–XVIII вв.» издана в Якутске на основе его докторской диссертации в 1945 г. (Токарев 1945), кроме того в подготовленном совместно с С. В. Бахрушиным сборнике «Якутия в XVII веке» Сергею Александровичу принадлежит значительная часть текста (Бахрушин, Токарев 1953: 84–175). В это время в якутоведении было немного подобных капитальных исследований большого формата.

В первой из перечисленных работ С. А. Токарев вкратце изложил свои взгляды на общественный строй якутов, находившийся, по его мнению, в переходном состоянии. Хотя у них сохранялось деление на племена (русские их называли «волостями»), но имелся зародыш феодальных отношений (обычай условного содержания скота — *хасаас*) и государственности (власть *тойонов*). Выделялись два класса — крупных скотовладельцев-*тойонов* и рабов — *кулотов/боканов* (по-русски «холопов»). В якутском обществе сохранялись остатки родового строя — экзогамия и кровная месть (по терминологии русских скорописных документов «головщина»). Обмен и ремесло имели определённую степень развития, подрывая родовые отношения. С. А. Токарев в основной своей монографии, как и позднее, признал за обменными отношениями якутов архаичный характер ритуальных «подарков» и «отдарков», сопоставляя их со сходными обычаями у других народов, делая ссылку на работы Б. К. Малиновского (1884–1942) (Токарев 1945: 86; Бахрушин, Токарев 1953: 78). Тем самым, в данном случае мы имеем отсылку на более раннюю самую влиятельную работу французского исследователя «Очерк о даре» Марселя Мосса (1872–1950) (Мосс 1996).

Во Введении своей основной монографии автор осуществил постановку проблемы (Токарев 1945: 5–29). В обосновании проблемы говорится о важности выяснения того, на какой стадии развития находилось якутское общество к XVII в. и какое влияние на него оказала колониальная¹ политика царского правительства. На основе свидетельств, прежде всего, местной революционной и либеральной интеллигенции

¹ Термины «колониальная», «колония» в отношении политики Российского государства на окраинах в современной историографии выглядит анахронизмом. Применение их советскими историками, в том числе, С. А. Токаревым было обусловлено общей негативной оценкой царской России, исходя из господствовавшей идеологии в отечественной историографии тех лет.

констатировано состояние якутского общества накануне революции 1917 г. с целью показать, как далеко зашла его имущественная дифференциация.

При анализе историографии С. А. Токарев сопоставил существовавшие на тот момент две противоположные теории о преобладании родового начала (Л. Г. Левенталь, Э. К. Пекарский, Л. П. Мамет), с одной стороны, и о существовании феодализма в якутском обществе накануне завоевания Якутии царизмом (Г. В. Ксенофонов), — с другой. Взгляды А. С. Белевского, И. И. Майнова, С. В. Бахрушина, О. В. Ионовой и, отчасти, Г. А. Попова автор отнёс к исследователям, которые старались избежать крайностей обеих критикуемых выше концепций.

Замечателен и фундаментален разбор источников. Автору удалось охватить практически весь объем имевшихся письменных источников. Он одним из первых по достоинству оценил их значение для изучения социально-экономических отношений якутов. Особое внимание ученый уделил судебным делам. Им было изучено около 2700 подобных источников. При тщательном критическом анализе этих материалов С. А. Токарев показал пределы их возможностей, так как зачастую даже при обилии сведений не всегда ясны причины конфликтов, социальный статус участников и т. д. Это говорит о высоком уровне проведённых автором исследований.

По поводу использования других источников, например, фольклорных и этнографических С. А. Токарев подверг критике тех исследователей, которые излишне доверчивы к ним и без сопоставления с историческими источниками помещают сведения из них в основу своих умозаключений. Он отметил возникающий парадокс, например, при характеристике героев одних и тех же якутских преданий учёные делали и делают диаметрально противоположные выводы.

Во времена С. А. Токарева ещё мало было археологических источников, и как писал учёный, данные языка ещё не привлекались «для реконструкции развития социального строя». Опора лишь на этнографические источники может привести к «произвольным субъективным построениям», но и одни письменные источники (основной материал) могут дать полноту и ясность картины если будут «оживлены и интерпретированы этнографическими данными».

Основная часть исследований С. А. Токарева во всех трёх рассматриваемых работах распадается на два раздела: первый, анализирующий социально-экономический строй якутов к приходу русских и второй, посвящённый воздействию колониальной политики царизма на развитие феодальных отношений у якутов. Видно, что все основные рассматриваемые категории и понятия вычлняются на базе огромного массива письменных источников: хозяйственные условия, родо-племенные черты, семейно-родовые отношения, частная собственность, обмен, ремесло, рабство, *той-онат*, зачатки феодализма, формы земельных отношений и классовой борьбы. Заключает ход мыслей раздела, в частности, глава 14 «Общественного строя якутов XVII–XVIII вв.», в которой С. А. Токарев увязывает процесс классообразования с этногенезом якутов.

Исследователь сразу отметил слабое применение русскими источниками термина «род» к внутреннему общественному устройству якутов в отличие от народов Севера. Больше использование термина «волость» к основным социальным подразделениям якутов, по его мнению, свидетельствовало о более развитом строе якутов. Условно называя их племенами, С. А. Токарев находил среди признаков этих групп много родовых черт — экзогамные порядки, обычай кровной мести, тотемистиче-

ские представления и т. д. (Токарев 1945: 36–53). Он же впервые применил термин «патронимия» к названиям некоторых «волостей» (Бахрушин, Токарев 1953: 93). Якутские этнографы А. И. Гоголев (род. 1941), Ф. Ф. Васильев (1951–1994) используя полевые материалы в своё время обратили внимание на якутскую патронимию (Гоголев 1988; Васильев 1994). Но если первый считает якутское общество в целом дофеодальным, то второй придерживался тезиса о большой глубине процесса феодализации. В дальнейшем, в работах А. А. Борисова удалось развить исследования в данном направлении (Борисов 2010; Борисов 2016).

С. А. Токарев подробно остановился на «пережитках» матриархата: преданиях о происхождении некоторых родовых групп от женщин, терминологии родства (тётки по отцу *сангас* от *санга* — новый), субклан *ийэ ууса* — буквально «материнский род» производный от потомства от разных жён *тойонов*-родоначальников, термин обозначающий духа-шаманского покровителя *ийэ кыыл* — «материнский зверь», остатки представлений о групповом браке (Бахрушин, Токарев 1953: 84–86). Выявленные в общественном строе якутов пережитки матриархата имели столь своеобразный характер, что исследователь неоднократно сомневался в их реальном происхождении, как в случае с «материнским родом» — *ийэ ууса*, на поверку относящемся больше к патриархальным порядкам, так и в системе родства, которая во многих случаях не совпадает с ситуацией у других тюркских народов (это говорит о более поздних контактах предков якутов с последними) (Токарев 1945: 53–56). К приходу русских существовал патриархально-родовой строй на стадии глубоко разложения. Хотя, якутские племена — *джоны* носили, с одной стороны, территориальный, а с другой, — племенной характер, так как сохранялись (здесь автор повторяет свои прежние наблюдения) обычаи экзогамии и кровной мести (Бахрушин, Токарев 1953: 86–98).

В объёмном параграфе своей основной монографии автор подверг анализу институты рода и семьи в диалектическом взаимодействии или, точнее сказать, противодействии по следующим точкам противоречий: в отношении собственности, форм брака (впервые ему удалось опять-таки, на большом массиве письменных источников проследить у якутов сразу несколько брачных традиций: парный брак, брак обменом, похищение, полигамию, левират), большой семьи и т. д. (Токарев 1945: 58–80). Традиционные обычаи полигамии и левирата в изучаемое время имели хозяйственный/экономический смысл, утратив свой архаичный характер (Бахрушин, Токарев 1953: 99–101). Действительно, в кочевом улусе полигамия — хозяйственная необходимость для более успешного ведения скотоводства у крупных скотоводов. Обычаи левирата, прослеженные С. А. Токаревым у якутов изучаемого времени были вызваны схожими причинами, в том числе, и стремлением регулировать имущественные отношения на уровне семейных, субклановых и клановых (патронимических) коллективов.

Продолжая раскрывать содержание обмена и зачатков торговли в контексте разрушения родовых порядков С. А. Токарев писал: «Взаимные угощения и подарки при посещениях друг друга — явный пережиток родовых обычаев, который сохранился, однако, вплоть до недавнего времени. Все эти и другие формы традиционной, ритуализированной циркуляции предметов потребления могли незаметным образом переходить в форму обмена, не утрачивая, однако своего освящённого традицией характера. Обмен у якутов, таким образом, оставался окутанным целой сетью традиционно-архаических форм, переплетался с ними» (Токарев 1945: 87). Из ремёсел учёный сумел выделить лишь выделение кузнечества как обособленной отрасли хозяйства (Токарев

1945: 88–90). Все эти наблюдения С. А. Токарева актуальны и в наши дни, так как выполнены впервые и преимущественно на основе изучения русских письменных документов XVII в. Последующие поколения якутоведов продолжили изыскания исследователя в плане изучения дальнейшей эволюции названных обычаев.

Самым веским аргументом учёный считал сюжет, касающийся якутских «знамен», которые не были связаны с родовыми тамгами, как у других народов Сибири (Токарев 1945: 51–52; Бахрушин, Токарев 1953: 101–102). Действительно, вопрос о якутских «знаменах» требует более пристального внимания, как указывал С. А. Токарев. Это, по сути, личные подписи якутов независимо от социального статуса, а сам данный правовой институт, по-видимому, возник под влиянием русских традиций государственного делопроизводства.

Распад родового строя С. А. Токарев проиллюстрировал многочисленными фактами, свидетельствующими о развитии частной собственности на скот и сенокосные угодья, господстве имущественных интересов малой семьи в экономике, но сохранении родового начала в обычном праве (Токарев 1945: 58–80; Бахрушин, Токарев 1953: 102–125). Это был компромисс, к которому вынудил огромный объём фактов, почерпнутых со страниц столбцов Сибирского приказа и Якутской воеводской избы. Данные наблюдения, по сути, были подтверждены сторонниками второй группы якутоведов-исследователей общественного строя якутов XVII в. Г. П. Башариным и В. Н. Ивановым, но они придали приоритетное значение поиску дополнительных фактов, подтверждающих движение социальных отношений якутов изучаемого времени в сторону феодальной собственности. Тогда как С. А. Токарев отдавал первостепенное значение воздействию политики Российского государства и его правовой культуры на социально-экономические процессы.

Более всего С. А. Токарев уделил внимание двум основным, по его мнению, классам: рабам и *тойонату*. Сопоставив исторические термины из русских документов XVII в. «холоп», «бокан» с якутским *кулут*, а также с монгольским *bogol* в том же значении «раб, невольник», исследователь коснулся института вскармленничества, выделив две формы рабства — *кумаланство* — патриархальное рабство и настоящее рабство, а также введя категорию клиентэлы — «живущих подле» (по терминологии тех же русских скорописных документов или *дюккашества* от якутского *дьюккаах*) (Токарев 1945: 90–135). В последнем случае проявилось влияние учителя С. А. Токарева — антиковеда, профессора П. Ф. Преображенского (1894–1941), хоть и он писал об условности применения данного термина в отношении якутской исторической реальности. Очевидно, исследователь испытывал определённые затруднения, столкнувшись с оригинальным характером социальной организации северного скотоводческого, но полуосёдлого народа, к тому же тюркского по языку и с причудливым сочетанием различных хозяйственных укладов.

Тойонат рассмотрен с разных позиций: рабовладения, скотовладения, глав патриархальных семей, военных предводителей, торговцев, антагонистов общины и соперников внутри своего класса. Обратив внимание на слабость публичной власти *тойонов*, С. А. Токарев отметил признание в русских источниках за ними политической власти как военачальников. Вновь, прибегнув к сравнениям, исходя из своего опыта, учёный уподобил *тойонов* гомеровским басилеям (Токарев 1945: 135–168).

Большинство якутского населения относилось, согласно русским письменным документам XVII в., к «улусным мужикам». Приведя множество примеров, свидетель-

ствующих о благосостоянии, различных хозяйственных отношениях, в том числе, на условиях *хасаас*, данной разнородной и аморфной социальной массы, С. А. Токарев затруднился дать ей дифференцированное определение. Он отметил лишь, что заметная часть её представителей, утратив свой скот становилась *балыксытами* — рыбаками (людьми, жившими за счёт рыбной ловли), со временем пополняя класс рабов, с одной стороны, а другая группа, разбогатев, и став известной в русских документах XVII в. «добрыми улусными мужиками», сближалась с элитой якутского общества. Поэтому исследователь остановился на определении этой самой многочисленной социальной страты в качестве носителей элементов первобытно-общинного, рабовладельческого и феодального строя (Токарев 1945: 178). Авторские определения в отношении *тойоната*, «улусных мужиков» и рабов были целиком повторены позднее в сборнике «Якутия в XVII в.» (Бахрушин, Токарев 1953: 125–175). Здесь вновь проявилась жёсткость рамок формационного подхода, не уместившегося в якутские кочевнические реалии. И учёный это чутко прочувствовал, пытаясь более гибко и продуманно подойти к анализу сложного и упрямого источникового материала. Отсюда проистекает и природа критических высказываний многочисленных оппонентов С. А. Токарева, причём принадлежавших к разным группам в выделенной нами классификации якутской историографии, упрекавших его в непоследовательности. В этом проявилась профессиональная этика Токарева-исследователя, который не мог себе позволить пойти против показаний источников.

В ранних работах С. А. Токарев жёстко увязывал процесс классовообразования с этногенезом якутов на Средней Лене, напрочь отрицая связь их общественного строя с родственными тюрко-монгольскими народами Центральной Азии, хоть и признавая некоторые языковые параллели в обозначении отдельных социальных категорий (*тойон* — *tovin, toigun, бокан* — *boqol, кулут, аймах*) (Токарев 1945: 230–232). Позднее в авторском разделе сборника «Якутия в XVII веке» С. А. Токарев развил свои взгляды на общественный строй якутов, который имел «элементы самого различного происхождения, связанные частью с далёким степным югом, частью с северной таёжной зоной» (Бахрушин, Токарев 1953: 79). «Постановка проблемы изучения общественного строя якутов на территории собственно Якутии в таком плане, анализ громадного количества архивных документов XVII–XVIII вв. для разрешения этой проблемы, призыв к исследователям заняться её обработкой именно в этом направлении — такова огромная заслуга Токарева перед якутской историографией, независима от того, удачна ли его концепция», — писал один из главных оппонентов учёного (Баширин 2003: 128).

Последующие семь глав второго раздела основной монографии С. А. Токаревым написаны в ключе классического исторического сочинения советской эпохи. Здесь мы видим такие штампы как «колониальный гнёт» и обнищание якутов («пауперизация»), переход *тойоната* на сторону «завоевателей», т. е. царя и его представителей в Якутии — воевод и служилых людей, развитие феодальных отношений в связи с судьбой рабства, сохранение родовых пережитков. Вместе с тем, в данном разделе показана роль *тойоната* в ясачном обложении, судебно-административные права *тойоната*, развитие земельной собственности, которые хорошо прослеживаются в письменных источниках XVII в.

Вокруг каких узловых вопросов развернулись споры и дискуссии, в центре которых оказалось научное наследие С. А. Токарева?

Во-первых, интерпретация социальных категорий, выделенных в русских документальных источниках XVII в. Очень трудно однозначно определить реальное содержание таких социальных категорий как «улусные люди», «живущие подле» («соседи» — *дьуккахи*), «захребетники», «вскормленники» и т. д. Очевидно, что подобное разнообразие форм социальной реальности, обнаруженное русской письменной традицией XVII в. говорит о необычности этих категорий для её носителей, которые жили оседлой жизнью земледельцев и ремесленников, охваченных государственными институтами и сословно-правовыми скрепами. Поэтому они пытались найти близкие для них понятия из своей практики деловых и официальных отношений. По-видимому, нестандартность ситуации была обусловлена тем, что якуты принадлежали к кругу евразийских кочевников, которые обладали своими самобытными чертами социальной организации, и которые правильнее назвать улусной системой. О чем пойдёт речь ниже. С. А. Токареву удалось зафиксировать это разнообразие социальных и правовых категорий якутского общества XVII в.

Во-вторых, акцентировалось внимание на эксплуатации. Но была ли она именно феодальной? Например, такие формы эксплуатации как передача скота на содержание или *хасаас* (аренда молочного скота на удой) напоминают скорее создание прибавочной стоимости, но никак не феодальную ренту. В современной номадологии обычай носит термин *саун* и, по-видимому, имеет универсальный характер, вновь придавая оригинальность кочевническим обществам.

В-третьих, соотношение «автохтонных» и «южных» элементов по происхождению в социальной организации якутов. Этот давний спор по-видимому, в современных условиях успешно решается на путях сближения разработанных исследовательских подходов.

Между тем основной социальной институт или форма общественной организации якутов — улус длительное время представлялся архаичным рудиментом племенных связей якутов.

Массив противоречивых и нерешенных вопросов: считать ли земли якутских тойонов зачатками или формой феодальных владений, были ли якутские «холопы» и обедневшая часть «улусных людей» из русских документов XVII в. феодально зависимыми людьми, в какой степени сохранилось значение якутского рода — *ага ууса* и т. д. потому и вызывал ожесточённые споры и нередко жаркую критику своих оппонентов. Подобные споры и неудовлетворённость со всей очевидностью заставили искать альтернативные пути решения возникших вопросов. В частности, речь идёт о теории кочевого «вождества» применительно к кочевникам-скотоводам (*Крадин 1995; Крадин 2000; Крадин 2019*). Так, в якутском обществе XVII в. также ищут надлокальную централизацию, иерархию в принятии решений, институты контроля, строгую социальную стратификацию, редистрибуцию, общую идеологическую (культовую) систему и другие признаки вождества (*Парфенова 2023*). Тем не менее, среди девяти общепринятых признаков «вождества» современные исследователи не находят большинство из них применительно к якутскому общественному строю.

Так, критикуя предшественников за преувеличение ими властных полномочий якутской элиты и размеров собственности, которой они владели, некоторые современные исследователи выступили против того, чтобы считать якутское общество находившимся на пути к феодализму. «Более приемлемым определением для состояния социального строя якутов перед приходом русских является термин вожде-

ство. В характеристике дорусского общества якутов из признаков вождества присутствуют ограниченные полномочия правителя, население от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч, социальное и имущественное неравенство, а такие как централизация, иерархия, эндогамная элита, редистрибуция по вертикали, общая идеологическая система, сакральный характер власти отсутствуют», — говорится в одной из работ (Ушницкий 2018: 17). Следовательно, имеющиеся построения выглядят малоубедительными и недостаточно обоснованными. Кроме того, хотя исследователи пишут о важности изучения русских письменных источников, они при этом ограничиваются лишь ссылками на интерпретации своих предшественников — историков советского периода.

Как справедливо пишут участники дискуссии о кочевых вождествах, много исключений из правил ставят под сомнение оправданность применения концепта «вождества» кномадам Евразии (Васютин 2016: 22).

Если улус нельзя считать племенем, вождеством или феодальным владением, не следует ли предположить, что это нечто иное, имеющее свои закономерности? Думается, что хотя такие исследователи как В. В. Трепавлов уважительно отнеслись к идее о кочевых вождествах, если рассмотреть их конкретные выкладки, то в них вырисовываются очень яркие самобытные характеристики улусной организации. Они могут стать основой для дальнейших разработок своеобразных черт кочевнических политий.

Улус — общественно-политическая форма свойственная кочевникам Евразии преимущественно тюрко-монгольского происхождения. Это особым образом организованный народ, постоянно находившийся в движении, чьё главное богатство — скотоводство и коневодство формировало его элиту — улусных лидеров, черпавших свою легитимность в генеалогической иерархии. Все это привязывало улус не к территории, а к населению, а оно было подчинено непосредственно к своим улусным правителям. Эти личные связи укреплялись «саунными» (условным содержанием скота) экономическими отношениями (Борисов 2016). В нормальном (обычном) состоянии в таком обществе нет нужды в централизации, улус расплывён на небольшие, преимущественно, кровно-родственные коллективы. Такие периоды протяжённы, занимая большую часть исторического бытия, и требуют постоянной подпитки властных прав улусных лидеров разного уровня и здесь незаменимы различные формы устной традиции: эпос, предания, родословия и т. д., не говоря уже об обычном праве. Власть ориентирована не только по горизонтали (ориентации по сторонам света: восток — запад), но и по вертикали по принципу «старший — младший».

Русские документы XVII в. свидетельствуют: «Да те ж, государь, иноземцы переходят жить из волости в волость по часту. И в которой волости живет, и оне как приедут с твоим государевым ясаком, и они тое волости и сказываютца, а как в ыную волость переедут, и они иной волости и сказываютца» (Колониальная политика 1936: 36). И в более позднее время, в XVIII в. Ф. И. фон Стралленберг писал: «И того Кангаласского улусу якуты с приписными волостями с места на место с переменою для скотопаства кочуют. Зимую обитают в ставленных стоячих мазанках, а летом в берестяных юртах» (цит. по: Токарев 1945: 233).

В первые годы русские землепроходцы насчитывали в одной якутской ясачной волости до 10 «князцов», что, даже со скидкой на неосведомленность первых об общественной организации якутов, напрямую свидетельствует о децентрализованности власти, не характерном для вождества. Напротив, улусы дробны и мозаичны:

«И якуцкие люди изо многих улусов Дубсунской волости збежалися в один улус», — говорится в челобитной грамоте стрелецкого сотника Петра Бекетова 1632 г. (Материалы по истории 1970: 1089). Хотя, в якутском улусе имела место иерархичность. Например, в «Бурухиных улусах» (в Мегинской волости) князец Буруха «прислал» в Якутский острог князцов Откона и Дуряя (Материалы по истории 1970: 1086). Как не вспомнить здесь выкладки В. В. Трепавлова о том, что в развитом виде улус предстаёт как сложное объединение во главе с главным тойоном, младшим сопровителем, дружиной, главным дружинником, знатью, богатырями, свободными скотоводами — родичами лидера, слугами, членами других родов и завоёванным населением (Трепавлов 2000: 55). Якутский эпос, с которым работают исследователи, безусловно вобрал в себя и синхронные для разнопоколенных сказителей представления о якутском обществе, в том числе маркирующие ранний улус.

Наконец, указания на «Мымаков улус», «Барчигиров улус», «Бурухины улусы», т. е. на принадлежность улуса к тому или иному якутскому князю свидетельствует о привязанности населения к своему улусному лидеру.

Практически в своих трудах С. А. Токарев, можно сказать первым, зафиксировал перечисленные выше признаки улусной системы. Это и его наблюдения над «полуоседлым» образом жизни якутов XVII в., хотя русские в своих документах применяли вполне «оседлые» термины как «волость» касательно якутских улусов, а также и «захребетники», «вскормленники», использовавшиеся в отечественной фискально-правовой практике в отношении, например, русского крестьянства синхронного времени. И, особенно, это касается многочисленных примеров «саунных» отношений, также впервые выявленных и подробно описанных С. А. Токаревым. Наконец, ему удалось показать во всем своеобразии категорию «живущих подле» (*дьуккаах*), «живущих в холопах у» богатых скотовладельцев и пр., зависимых и полузависимых людей «улусников», т. е. членов якутского кочевого улуса.

Таким образом, опыт историографии показывает, что интересующая нас проблема решалась в узких формационных рамках. Поэтому исследователи были стеснены в своих разработках. Назрела необходимость взглянуть на социальную организацию якутов с иных методологических позиций.

Источники и материалы

Архив ИЭА РАН — Архив ИЭА РАН. Ф. 12. С. А. Токарев. Оп. 1. Д. 84.

Архив ЯНЦ СО РАН — Архив ЯНЦ СО РАН. Рукописный фонд. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40.

Колониальная политика 1936 — Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.: Сб. документов / под общ. ред. Я. П. Алькора, Б. Д. Грекова. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 294 с.

Материалы по истории 1970 — Материалы по истории Якутии XVII в. (документы ясачного сбора). М.: Наука, 1970. 1269 с.

Научная литература

Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистике. М.: Наука, 1973. 232 с.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955а. С. 86–152.

Бахрушин С. В. Очередные задачи исторического изучения Якутии // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. 4.2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955б. С. 263–272.

- Бахрушин С. В., Токарев С. А.* (под ред.). Якутия в XVII веке. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 439 с.
- Баширин Г. П.* Общественный строй якутов начала XVII в. // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 91–102.
- Баширин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии в 2-х томах. Т. 1. Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов М.: Арт-Флекс, 2003. 443 с.
- Борисов А. А.* Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 269 с.
- Борисов А. А.* Улус как универсальная форма политической и общественной самоорганизации тюркских и монгольских народов // Eurasian Nomadic Pastoralism: History, Culture, Environment. CNEAS Reports 22. Sendai: Tohoku University, 2016. С. 123–134.
- Васильев Ф. Ф.* Раннеякутский улус: социальные и военные структуры // Этнос: традиции и современность / [Редкол.: В. Н. Иванов (отв. ред.) и др.]. Якутск: Якут. науч. центр СО РАН, 1994. С. 32–50.
- Васютин С. А.* Концепты «вождество» и «государство» в оценке политических институтов раннесредневековых империй Центральной Азии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 22–27. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-4-22-27>
- Гарданов Б. А.* К вопросу о характере общественного строя у якутов в XVII в. // Советская этнография. 1946. № 2. С. 218–226.
- Гоголев А. И.* Социальная организация и традиционная семья якутов в XVII веке // Семья у народов Север-Востока СССР: Сб. науч. трудов / М. К. Панкратова (отв. ред.). Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1988. С. 89–98.
- Гурвич И. С.* К вопросу об общественном строе якутов в XVII–XIX веках // Ученые записки ИЯЛИ ЯФ АН СССР. 1955. Вып. 3. С. 3–17.
- Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск: Кн. изд-во, 1966. 424 с.
- Иванов В. Ф.* Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII середина XIX вв.). Новосибирск: Сибирское отд-ние, 1992. 228 с.
- Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / [Отв. ред. и авт. предисл. В. А. Попов]. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. С. 11–61.
- Крадин Н. Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / [Х. Дж. М. Классен, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин [и др.]; ред. Е. В. Комарова]. М.: Логос, 2000. С. 314–336.
- Крадин Н. Н.* Современная дискуссия о политогенезе у кочевников-скотоводов // Восток. 2019. № 1. С. 6–23. <https://doi.org/10.31857/S086919080003956-8>
- Ксенофонтов Г. В.* Тезисы-конспекты «Очерков по древней истории якутов» // Сб. тр. НИИ языка и культуры при СНК ЯАССР. Вып. 1. Якутск, 1935. С. 73–97.
- Кушнер П.* Очерк развития общественных форм. М.: Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, 1924. 430 с.
- Митрофанов В. В.* Проблемы общественного строя и этногенеза якутов в отзыве С. В. Бахрушина на книгу С. А. Токарева // Вестник угроведения. 2017. № 1. С. 169–182.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. 418 с.
- Парфенова О. А.* Традиционное якутское общество конца XVI — начала XVII вв.: социальные структуры и власть (источники, исследования, дискуссии) // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2023. № 3. С. 8–19. <https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.44.3.001>
- Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Кн. изд-во, 1945. 414 с.
- Токарев С. А.* Происхождение якутской народности // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 58–63.
- Трепавлов В. В.* Канун государственности в олонхо (взгляд историка на якутский героический эпос) // Олонхо — духовное наследие народа саха: сб. науч. ст. / отв. ред. Махаров Е. М. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. С. 24–56.

- Ушницкий В. В. Роль и место якутского вожества — тойоната в управленческой структуре Российской государственности в XVII в. // Проблемы востоковедения. 2018. № 4. С. 14–19. <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2018-10402>
- Широкогоров С. М. Этнос. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. 1923. 134 с.
- Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с.

References

- Bakhrushin, S. V., and S. A. Tokarev (eds.). 1953. *Yakutiia v XVII veke* [Yakutia in the 17th Century]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. 439 p.
- Bakhrushin, S. V. 1955a. Ostiatskie i vogul'skie kniazhestva v XVI i XVII v. [Ostyak and Vogul Principalities in the 16th and 17th Centuries]. In *Nauchnye Trudy* [Scientific Works], by S. V. Bakhrushin. Vol. 3. Moscow: Akademiia Nauk SSSR. 86–152.
- Bakhrushin, S. V. 1955b. Ocherednye zadachi istoricheskogo izucheniia Yakutii. [The Current Tasks of the Historical Study of Yakutia]. In *Nauchnye Trudy* [Scientific Works], by S. V. Bakhrushin. Vol. 3. Moscow: Akademiia nauk SSSR. 263–272.
- Barg, M. A. 1973. *Problemy sotsial'noi istorii v osveshchenii sovremennoi zapadnoi medievistike* [Problems of Social History in the Light of Modern Western Medieval Studies]. Moscow: Nauka. 232 p.
- Basharin, G. P. 1950. Obshchestvennyi stroi yakutov nachala XVII v. [The Social System of the Yakuts at the Beginning of the 17th Century]. *Voprosy istorii* 4: 91–102.
- Basharin, G. P. 2003. *Istoriia agrarnykh otnoshenii v Yakutii. T.1. Agrarnye otnosheniia s drevnikh vremen do 1770-kh godov* [History of Agrarian Relations in Yakutia. Vol. 1. Agrarian Relations from Ancient Times to the 1770s]. Moscow: Art-Fleks. 443 p.
- Borisov, A. A. 2010. *Sotsial'naia istoriia iakutov v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremia: (opyt kompleksnogo issledovaniia)* [Social History of the Yakuts in the Late Middle Ages and Modern Times: (a Comprehensive Study)]. Novosibirsk: Nauka. 269 p.
- Borisov, A. A. 2016. Ulus kak universal'naia forma politicheskoi i obshchestvennoi samoorganizatsii tiurkskikh i mongol'skikh narodov [Ulus as a Universal form of Political and Social Self-Organization of Turkic and Mongolian People]. *Eurasian Nomadic Pastoralism: History, Culture, Environment. CNEAS Reports* 22: 123–134.
- Gardanov, B. A. 1946. K voprosu o kharaktere obshchestvennogo stroia u yakutov v XVII v. [On the Nature of the Social System among the Yakuts in the 17th Century]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 218–226.
- Gogolev, A. I. 1988. Sotsial'naia organizatsiia i traditsionnaia sem'ia yakutov v v XVII veke [Social Organization and Traditional Family of the Yakuts in the 17th Century]. In *Sem'ia u narodov Sever-Vostoka SSSR: Sbornik nauchnykh trudov* [Family among the Peoples of the North-East of the USSR: A Collection of Scientific Works], ed. by M. K. Pankratova. Yakutsk: YF SO AN SSSR. 89–98.
- Gurvich, I. S. 1955. K voprosu ob obshchestvennom stroe yakutov v XVII–XIX vekakh [On the Social Structure of the Yakuts in the 17th–20th Centuries]. *Uchenye zapiski IYLI YF AN SSSR* [Scientific Notes of ILLH YF AS USSR]. Vol. 3. Yakutsk. 3–17.
- Ivanov, V. F. 1992. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniia v Yakutii (konets XVII — seredina XIX vv.)*. [Social and Economic Relations in Yakutia (Late 17th — mid-19th Centuries)]. Novosibirsk: Sibirskoe otделение. 228 p.
- Ivanov, V.N. 1966. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniia u yakutov. XVII vek* [Social and Economic Relations among the Yakuts. 17th century]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. 424 s.
- Kradin, N. N. 1995. Vozhdstvo: sovremennoe sostoianie i problemy izucheniia [Chieftdom: Current State and Problems of Study]. In *Rannie formy politicheskoi organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early Forms of Political Organization: from Primitiveness to Statehood], ed. by V. A. Popov. Moscow: Vostochnaia literatura RAN. 11–61.

- Kradin, N. N. 2000. Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naia evoliutsiia [Nomads, World-Empires and Social Evolution]. In *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative Paths to Civilization], ed. by E. V. Komarova. Moscow: Logos. 314–336.
- Kradin, N. N. 2019. Sovremennaia diskussiiia o politogeneze u kochevnikov-skotovodov [Modern Discussion about Politogenesis among Nomadic Pastoralists]. *Vostok* 1: 6–23. <https://doi.org/10.31857/S086919080003956-8>
- Ksenofontov, G. V. 1935. Tezisy-konspekty “Ocherkov po drevnei istorii yakutov” [Abstracts-Summaries of “Essays on the Ancient History of the Yakuts”]. *Sbornik trudov NII yazyka i kul'tury pri SNK YASSR* [Collection of Works of the Research Institute of Language and Culture under the Council of People's Commissars of the Ukrainian ASSR], ed. by P. A. Oiunskii. Vol. 1. Yakutsk: Knizhnoe Izdatel'stvo. 73–97.
- Kushner, P. 1924. *Ocherk razvitiia obshchestvennykh form* [Essay on the Development of Social Forms]. Moscow: Kommunisticheskii universitet imeni Ya. M. Sverdlova. 430 p.
- Mauss, M. 1996. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Personality]. Moscow: «Vostochnaia literatura» RAN. 418 p.
- Mitrofanov, V. V. 2017. Problemy obshchestvennogo stroia i etnogeneza yakutov v otzyve S. V. Bakhrushina na knigu S. A. Tokareva [Problems of the Social System and Ethnogenesis of the Yakuts in the S. V. Bakhrushin's Review on the Book by S. A. Tokarev]. *Vestnik ugrovedeniia* 1: 169–182.
- Parfenova, O. A. 2023. Traditsionnoe yakutskoe obshchestvo kontsa XVI — nachala XVII vv.: sotsial'nye struktury i vlast' (istochniki, issledovaniia, diskussii) [Traditional Yakut society of the Late 16th–early 17th Centuries: Social Structures and Power (Sources, Research, Discussions)]. *Severo-vostochnyi humanitarnyi vestnik* 3: 8–19. <https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.44.3.001>
- Shirokogorov, S. M. 1923. *Etnos. Issledovaniia osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii* [Ethnos. Research into the Basic Principles of Changes in Ethnic and Ethnographic Phenomena]. Shanghai. 134 p.
- Shunkov, V. I. 1974. *Voprosy agrarnoi istorii Rossii* [Questions of Russian Agrarian History]. Moscow: Nauka. 376 p.
- Tokarev, S. A. 1941. Proiskhozhdenie yakutskoi narodnosti [Origin of the Yakut people]. *Kratkie soobshheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* 9: 58–63.
- Tokarev, S. A. 1945. *Obshchestvennyi stroi yakutov XVII–XVIII vv.* [Social Structure of the Yakuts in the 17th–18th centuries]. Yakutsk: Knizhnoe Izdatel'stvo. 414 p.
- Trepavlov, V. V. 2000. Kanun gosudarstvennosti v olonkho (vzgliad istorika na yakutskii geroicheskii epos) [The Eve of Statehood in Olonkho (a Historian's View of the Yakut Heroic Epic)]. In *Olonkho — duhovnoe nasledie naroda Sakha* [Olonkho — the Spiritual Heritage of the Sakha People], ed. by E. M. Maharov. Yakutsk: IGI AN RS (Y). 24–56.
- Ushnickii, V. V. 2018. Rol' i mesto yakutskogo vozhdestva — toionata v upravlencheskoi strukture Rossiiskoi gosudarstvennosti v XVII v. [The Role and Place of the Yakut Chieftaincy Toyonat in the Administrative Institution of the Russian State in the 17th Century]. *Problemy vostokovedeniia* 4: 14–19. <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2018-10402>
- Vasiliev, F. F. 1994. Ranneiakutskii ulus: sotsial'nye i voennye struktury [Early Yakut ulus: social and military structures]. In *Etnos: traditsii i sovremennost'* [Ethnos: Traditions and Modernity], ed. by V.N. Ivanov. Yakutsk: YNC SO RAN: 32–50.
- Vasiutin, S. A. 2016. Kontsepty “vozhdestvo” i “gosudarstvo” v otsenke politicheskikh institutov rannesrednevekovykh imperii Tsentral'noi Azii [The Concepts «Chieftdom» and «State» in The Evaluation of the Political Institutions in The Early Medieval Empires of Central Asia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* 4: 22–27. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-4-22-27>